

O‘ZBEKISTON QONUNCHILIGI TAHLILI

ILMIY-TAHLILIY JURNAL
2026-YIL 3-SON

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2026 ГОД № 3

UZBEKISTAN LAW REVIEW

SCIENTIFIC ANALYTICAL JOURNAL
2026 ISSUE 3

VOLUME 3 / ISSUE 3 / 2026

DOI: [HTTPS://DX.DOI.ORG/10.51788/TSUL.UZLAWREV.33](https://dx.doi.org/10.51788/TSUL.UZLAWREV.33)

ISSN 2181-8118

DOI: [HTTPS://DX.DOI.ORG/10.51788/TSUL.UZLAWREV.](https://dx.doi.org/10.51788/TSUL.UZLAWREV.)

MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT YURIDIK UNIVERSITETI

“O‘zbekiston qonunchiligi tahlili” ilmiy-tahliliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2014-yil 21-iyulda 02-0074-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:
E. Mustafayev, Y. Yarmolik,
M. Sharifova, Sh. Beknazarova,
X. Yuldasheva, F. Usmonova,
K. Abduvaliyeva, E. Sharipov,
Y. Mahmudov

Musahhih:
M. Tursunov

Texnik muharrir:
U. Sapayev

Dizayner:
D. Rajapov

Tahririyat manzili:
100047. Toshkent shahar,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: lawreview.uz
E-mail: uzlawreview@tsul.uz

Nashriyot litsenziyasi
№ 174625, 29.11.2023-y.

Jurnal 2026-yil 18-sentabrda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 21,4.
Adadi: 100. Buyurtma: № 96.

Bosmaxona litsenziyasi
29.11.2023 № 174626

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik
universiteti

TAHRIR HAY'ATI

BOSH MUHARRIR

S. Gulyamov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq va texnologiyalar sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI

I. Rustambekov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘quv ishlari bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor – bosh muharrir o‘rinbosari

Sh. Xo‘jayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Intellectual mulk huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori – mas‘ul muharrir

O. Okyulov – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

A. Ener – Anqara Haci Bayram universiteti dotsenti, Energetika nizolari arbitraj markazi bosh kotibi o‘rinbosari, yuridik fanlar doktori

M. Bungenberg – Saarlend universiteti Yevropa instituti direktori, yuridik fanlar doktori

S. Tatar – Anqara Yildirim Boyazid universiteti professori, yuridik fanlar doktori

J. Peeroo – Sorbonna universiteti professori, “Stone 36” yuridik firmasi advokati, yuridik fanlar doktori

B. Musayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Biznes huquqi va sud himoyasi fakulteti dekani, yuridik fanlar doktori, professor

Sh. Saydullayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi professori, yuridik fanlar nomzodi

D. Habibullayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik protsessual va iqtisodiy protsessual huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

S. Bozorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro xususiy huquq sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

I. Bekov – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

V. Ergashev – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat instituti direktor o‘rinbosari, yuridik fanlar doktori, professor

Sh. Joldasova – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi huzuridagi Qonunchilik muammolari va parlament tadqiqotlari instituti bosh ilmiy xodimi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

O. Xazratqulov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro xususiy huquq sho‘basi mudiri, yuridik fanlar nomzodi, professor

D. Suyunova – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat-protsessual huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

D. Maxkamov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ommaviy huquq fakulteti dekani, yuridik fanlar doktori, professor

D. Babadjanova – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar doktori

A. Matmurotov – Toshkent davlat yuridik universiteti Sud hokimiyati, advokatura va huquqni muhofaza qiluvchi organlar sho‘basi mudiri, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

E. Rahmatov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va qiyosiy huquqshunoslik fakulteti dekani, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

M. Turdialiyev – O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi Yuridik ta‘lim va sud-ekspertiza boshqarmasi boshlig‘i o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Научно-аналитический журнал «Обзор законодательства Узбекистана» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 21 июля 2014 года с удостоверением № 02-0074.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Академии наук Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:
О. Чориев

Редакторы:

Э. Мустафаев, Е. Ярмолик,
М. Шаринова, Ш. Бекназарова,
Х. Юлдашева, Ф. Усмонова,
К. Абдувалиева, Э. Шарипов,
Й. Махмудов

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: lawreview.uz

E-mail: uzlawreview@tsul.uz

Издательская лицензия

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
18.09.2026.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 21,4. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 96.

Лицензия типографии

от 29.11.2023 № 174626

Отпечатано в типографии

Ташкентского государственного
юридического университета.

100047, г. Ташкент,

ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С. Гулямов – профессор сектора права и технологий Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

И. Рустамбеков – проректор Ташкентского государственного юридического университета по учебной работе, доктор юридических наук, профессор – заместитель главного редактора

Ш. Хужаев – заведующий сектором права интеллектуальной собственности Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам – ответственный редактор

О. Окюлов – профессор сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Энер – доцент Университета Анкары Хаджи Байрам, заместитель генерального секретаря Арбитражного центра по энергетическим спорам, доктор права

М. Бунгенберг – директор Европейского института Саарского университета, доктор права

С. Татар – профессор Университета Анкары Йылдырым Беязит, доктор права

Ж. Пироо – профессор Сорбоннского университета, адвокат юридической фирмы Stone 36, доктор права

Б. Мусаев – декан факультета бизнес-права и судебной защиты Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Ш. Сайдуллаев – профессор сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, профессор

Д. Хабибуллаев – заведующий сектором гражданского процессуального и экономического процессуального права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

С. Бозоров – профессор сектора международного частного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

И. Беков – заведующий сектором конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

В. Эргашев – заместитель директора Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

Ш. Джолдасова – ведущий научный сотрудник Института проблем законодательства и парламентских исследований при Олий Мажлисе Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам

О. Хазраткулов – заведующий сектором международного частного права Ташкентского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, профессор

Д. Суюнова – профессор сектора уголовно-процессуального права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Д. Махкамов – декан факультета публичного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Д. Бабаджанова – и.о. профессора сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Матмуротов – заведующий сектором судебной власти, адвокатуры и правоохранительных органов Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Э. Рахматов – декан факультета международного права и сравнительного правоведения Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам, доцент

М. Турдиалиев – заместитель начальника управления юридического образования и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доктор философии по юридическим наукам

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

"Uzbekistan Law Review" scientific and analytical journal was registered by Press and Information Agency of Uzbekistan on July 21, 2014, with certificate number 02-0074.

The journal is included in the list of journals of the Supreme Attestation Commission under the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of materials of the journal are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:
O. Choriev

Editors:
E. Mustafaev, E. Yarmolik,
M. Sharifova, Sh. Beknazarova,
Kh. Yuldasheva, F. Usmonova,
K. Abduvalieva, E. Sharipov,
Y. Makhmudov

Proofreader:
M. Tursunov

Technical editor:
U. Sapaev

Designer:
D. Rajapov

Publishing department address:
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: lawreview.uz
E-mail: uzlawreview@tsul.uz

Publishing license
№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the
Printing house on 18.09.2026.
Paper size: A4.
Cond.p.f: 21,4.
Units: 100. Order: № 96.

Printing house license
№ 174626, 29.11.2023.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD
EDITOR-IN-CHIEF

S. Gulyamov – Professor of the Department of Law and Technologies of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

I. Rustambekov – Deputy Rector for Academic Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor - Deputy Editor-in-Chief

Sh. Khujaev – Head of the Department of Intellectual Property Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law - Executive Editor

O. Okyulov – Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Ener – Associate Professor of Ankara Haci Bayram University, Deputy Secretary General of the Center for Arbitration of Energy Disputes, Doctor of Law

M. Bungenberg – Director of the European Institute of Saarland University, Doctor of Law

S. Tatar – Professor of Ankara Yıldırım Bayezid University, Doctor of Law

J. Peeroo – Professor of the Sorbonne University, lawyer of the law firm Stone 36, Doctor of Law

B. Musaev – Dean of the Faculty of Business Law and Judicial Protection of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Sh. Saydullaev – Professor of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Candidate of Legal Sciences

D. Habibullaev – Head of the Department of Civil Procedural and Economic Procedural Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

S. Bozorov – Professor of the Department of Private International Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

I. Bekov – Head of the Department of Constitutional Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

V. Ergashev – Deputy Director of the Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

Sh. Joldasova – Chief Research Fellow of the Institute of Legislation Problems and Parliamentary Research under the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

O. Khazratkulov – Head of the Department of Private International Law of Tashkent State University of Law, Candidate of Legal Sciences, Professor

D. Suyunova – Professor of the Department of Criminal Procedure Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

D. Mahkamov – Dean of the Faculty of Public Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

D. Babadjanova – Acting Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Matmurotov – Head of the Department of Judiciary, Advocacy and Law Enforcement Agencies of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

E. Rahmatov – Dean of the Faculty of International Law and Comparative Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

M. Turdialiyev – Deputy Head of the Department of Legal Education and Forensic Examination of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

MUNDARIJA

12.00.02 – KONSTITUTSIYAVIY HUQUQ. MA'MURIY HUQUQ. MOLIYA VA BOJXONA HUQUQI

- 11 **MIRZAYEV FAYZULLA IBODULLAYEVICH**
FATF standartlarini JDL/TMQK sohasida ma'muriy-huquqiy joriy etish mexanizmini takomillashtirish
- 22 **RAXMANOV AKMAL ERGASHEVICH**
Inson huquq va erkinliklarini ta'minlash mexanizmining metodologik asoslari
- 33 **ABDURAYIMOV MUHAMMAD SUVANQUL O'G'LI**
LegalTech – malakali yuridik yordam ko'rsatish tizimini takomillashtirish yo'nalishi sifatida
- 39 **MUNAVVAROVA NAIMAXON ZOYIDULLAYEVNA**
O'zbekistonda yagona notarial amaliyotni ta'minlashda Adliya vazirligi va Notarial palata hamkorligining istiqbollari
- 46 **TOJIYEV ODILJON**
"Raqqamli parlament" tushunchasi va uning konstitutsiyaviy-huquqiy asoslari
- 52 **XURRAMOV E'ZOZBEK BAXRON O'G'LI**
Tadbirkorlik faoliyatiga noqonuniy aralashuvni cheklashning konstitutsiyaviy mexanizmlari

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI. XALQARO XUSUSIY HUQUQ

- 64 **KUVANDIKOV ZOKIR OBLAKULOVICH, NORIMOVA MATLUBA TURG'UN QIZI**
Korporativ nizolarni hal qilishning maqbul usullari
- 75 **TURDIALIYEV MUHAMMAD ALI PO'LATJON O'G'LI**
Transchegaraviy tijorat munosabatlarida sun'iy intellekt tizimlarining huquq layoqatiga oid nazariyalar tahlili
- 82 **RO'ZMURODOVA LOBARXON MIRZOBEK QIZI**
Multimedia jurnalistikasida turdosh huquqlar: audio, video va efir materiallaridan qayta foydalanishning qatlamli modeli

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

- 92 **PRIMOV BAXTIYOR OLIM O'G'LI**
Kripto-aktivlarga oid qonunga xilof qilmishlar tushunchasi, mazmun-mohiyati va turlari tasnifi

12.00.09 – JINOYAT PROTSSESI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA SUD EKSPERTIZASI

- 103 **XALILOV AKRAM UTAMURODOVICH**
O'zbekiston sud-ekspertiza tizimini muvofiqlashtirishning tashkiliy-huquqiy muammolari
- 112 **MUSAYEV GAYRAT FARXADOVICH**
Farg'onada transchegaraviy firibgarlik bilan bog'liq jinoyatning fosh etilishi: jinoiy-huquqiy, raqqamli-kriminalistik va kriptotahliliy jihatlar
- 119 **MAMADALIYEV UMID YULDASHEVICH**
Jinoyat ishlari bo'yicha ekstraditsiyaning nazariy tahlili
- 130 **FATULLAYEV SHODMONBEK MADATOVICH**
Ekspert xulosasining isbotlash vositasi sifatidagi o'rni va ahamiyati

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

143 **YUNUSOV XAYDARALI MURATOVICH**

Xalqaro organlarga murojaat qilish huquqini ta'minlashning milliy-huquqiy asoslarini takomillashtirish masalalari

157 **UMAROV RUSTAM ZULFUKAROVICH**

“Markaziy Osiyo – Rossiya” formatining xalqaro-huquqiy tartibga solinishi: evolyutsiya, shartnomaviy asos va institutsionallashuv chegaralari

12.00.12 – KORRUPSIYA MUAMMOLARI

171 **NIYOZOVA SALOMAT SAPAROVNA**

Manfaatlar to'qnashuvi tushunchasini tavsiflash bo'yicha ilmiy yondashuvlar

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 11 **МИРЗАЕВ ФАЙЗУЛЛА ИБОДУЛЛАЕВИЧ**
Совершенствование механизма административно-правовой имплементации стандартов ФАТФ в сфере ПОД/ФТ
- 22 **РАХМАНОВ АКМАЛ ЭРГАШЕВИЧ**
Методологические основы механизма обеспечения прав и свобод человека
- 33 **АБДУРАЙИМОВ МУХАММАД СУВАНКУЛ УГЛИ**
LegalTech как направление совершенствования системы оказания квалифицированной юридической помощи
- 39 **МУНАВВАРОВА НАИМАХОН ЗОХИДУЛЛАЕВНА**
Перспективы сотрудничества Министерства юстиции и Нотариальной палаты в обеспечении единой нотариальной практики в Узбекистане
- 46 **ТОЖИЕВ ОДИЛЖОН**
Понятие «цифровой парламент» и его конституционно-правовые основы
- 52 **ХУРРАМОВ ЭЪЗОЗБЕК БАХРОН УГЛИ**
Конституционные механизмы ограничения незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- 64 **КУВАНДИКОВ ЗОКИР ОБЛАКУЛОВИЧ, НОРИМОВА МАТЛУБА ТУРГУН КИЗИ**
Оптимальные способы разрешения корпоративных споров
- 75 **ТУРДИАЛИЕВ МУХАММАД АЛИ ПУЛАТЖОН УГЛИ**
Анализ теорий правоспособности систем искусственного интеллекта в трансграничных коммерческих отношениях
- 82 **РУЗМУРОВА ЛОБАРХОН МИРЗОБЕК КИЗИ**
Смежные права в мультимедийной журналистике: многоуровневая модель повторного использования аудио-, видео- и эфирных материалов

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 92 **ПРИМОВ БАХТИЁР ОЛИМ УГЛИ**
Понятие, сущность и классификация противоправных деяний, связанных с криптоактивами

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- 103 **ХАЛИЛОВ АКРАМ УТАМУРОВОВИЧ**
Организационно-правовые проблемы координации системы судебной экспертизы Узбекистана
- 112 **МУСАЕВ ГАЙРАТ ФАРХАДОВИЧ**
Раскрытие трансграничного мошенничества в Фергане: уголовно-правовые, цифрово-криминалистические и криптоаналитические аспекты
- 119 **МАМАДАЛИЕВ УМИД ЮЛДАШЕВИЧ**
Теоретический анализ экстрадиции по уголовным делам
- 130 **ФАТУЛЛАЕВ ШОДМОНБЕК МАДАТОВИЧ**
Место и значение заключения эксперта как средства доказывания

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

143 **ЮНУСОВ ХАЙДАРАЛИ МУРАТОВИЧ**

Вопросы совершенствования национально-правовых основ обеспечения права на обращение в международные органы

157 **УМАРОВ РУСТАМ ЗУЛЬФУКАРОВИЧ**

Международно-правовое регулирование формата «Центральная Азия – Россия»: эволюция, договорная база и пределы институционализации

12.00.12 – ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

171 **НИЁЗОВА САЛОМАТ САПАРОВНА**

Научные подходы к характеристике понятия конфликта интересов

CONTENTS

12.00.02 – CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW. FINANCIAL AND CUSTOMS LAW

- 11 **MIRZAEV FAYZULLA IBODULLAEVICH**
Improving the mechanism for administrative-legal implementation of FATF standards in the field of AML/CFT
- 22 **RAKHMANOV AKMAL ERGASHEVICH**
Methodological foundations of the mechanism for ensuring human rights and freedoms
- 33 **ABDURAYIMOV MUHAMMAD SUVANQUL UGLI**
LegalTech as an avenue for improving the system of qualified legal assistance
- 39 **MUNAVVAROVA NAIMAKHON ZOKHIDULLAEVNA**
Prospects for cooperation between the Ministry of Justice and the Notary Chamber in ensuring a unified notary practice in Uzbekistan
- 46 **TOJIEV ODILJON**
The concept of the “digital parliament” and its constitutional and legal foundations
- 52 **KHURRAMOV EZOZBEK BAKHRON UGLI**
Constitutional mechanisms for limiting illegal interference in entrepreneurial activity

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 64 **KUVANDIKOV ZOKIR OBLAKULOVICH, NORIMOVA MATLUBA TURGUN KIZI**
Acceptable methods for resolving corporate disputes
- 75 **TURDIALIYEV MUHAMMAD ALI PULATJON UGLI**
Analysis of theories on the legal capacity of artificial intelligence systems in cross-border commercial relations
- 82 **RUZMURODOVA LOBARKHON MIRZOBEK KIZI**
Related rights in multimedia journalism: a layered model for audio, video and broadcast reuse

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- 92 **PRIMOV BAKHTIYOR OLIM UGLI**
The concept, essence, and classification of types of illegal acts related to crypto-assets

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

- 103 **KHALILOV AKRAM UTAMURODOVICH**
Organizational and legal problems of coordinating the forensic system of Uzbekistan
- 112 **MUSAEV GAYRAT FARKHADOVICH**
Solving crimes related to cross-border fraud in Fergana: criminal-legal, digital-criminalistic, and cryptoanalytical aspects
- 119 **MAMADALIEV UMID YULDASHEVICH**
Theoretical analysis of extradition in criminal cases
- 130 **FATULLAEV SHODMONBEK MADATOVICH**
The role and significance of the expert conclusion as a means of proof
-

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

143 **YUNUSOV KHAYDARALI MURATOVICH**

Issues of improving the national legal framework for ensuring the right to appeal to international bodies

157 **UMAROV RUSTAM ZULFUKAROVICH**

International legal regulation of the “Central Asia – Russia” format: evolution, treaty framework, and limits of institutionalization

12.00.12 – CORRUPTION PROBLEMS

171 **NIYOZOVA SALOMAT SAPAROVNA**

Scientific approaches to characterizing the conflict of interest

Kelib tushgan / Получено / Received: 13.08.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 02.09.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 18.09.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.uzlawrev.33016>

UDC: 341.1:327(470+571:575)(045)(575.1)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМАТА «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – РОССИЯ»: ЭВОЛЮЦИЯ, ДОГОВОРНАЯ БАЗА И ПРЕДЕЛЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Умаров Рустам Зульфукарович,
самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9910-3557>

e-mail: r.umarov.dxa@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются международно-правовая природа, нормативная архитектура и пределы институционализации формата «Центральная Азия – Россия». Разграничены четыре уровня регулирования: двусторонние договоры; обязательства в рамках действующих региональных организаций; политико-программные документы самого формата; национальная и отраслевая имплементация. На основе материалов саммитов 2022 и 2025 годов, Плана совместных действий на 2025–2027 годы и девятой встречи министров иностранных дел 2026 года обосновано, что данный механизм проходит функциональную институционализацию, не приобретая при этом признаков самостоятельной международной организации. Сравнение с форматами «Центральная Азия – Китай», C5+1, «Центральная Азия – Европейский союз» и «Центральная Азия – ССАГПЗ» выявляет особую российскую траекторию: высокую насыщенность внешней договорно-правовой среды при сохранении мягкоправовой природы собственных шестисторонних актов. Предложены конкретные процедуры мониторинга и комплекс рекомендаций для Республики Узбекистан.

Ключевые слова: Центральная Азия, Российская Федерация, международное право, международный договор, мягкое право (soft law), функциональная институционализация, имплементация

“MARKAZIY OSIYO – ROSSIYA” FORMATINING XALQARO-HUQUQIY TARTIBGA SOLINISHI: EVOLYUTSIYA, SHARTNOMAVIY ASOS VA INSTITUTIONALLASHUV CHEGARALARI

Umarov Rustam Zulfukarovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. Maqolada “Markaziy Osiyo – Rossiya” formatining xalqaro-huquqiy tabiati, normativ arxitekturasi va institutsionallashuv chegaralari tahlil qilinadi. Tartibga solishning to’rt darajasi ajratib ko’rsatilgan: ikki tomonlama shartnomalar; amaldagi mintaqaviy tashkilotlar doirasidagi majburiyatlar;

formatning o'ziga xos siyosiy-dasturiy hujjatlari; milliy va tarmoq darajasidagi implementatsiya. 2022-va 2025-yillardagi sammitlar, 2025–2027-yillarga mo'ljallangan Qo'shma harakatlar rejasi va 2026-yilgi vazirlar uchrashuvi materiallari asosida formatning mustaqil xalqaro tashkilotga aylanmasdan funksional institutsionallashtirish asoslandi. "Markaziy Osiyo – Xitoy", C5+1, "Markaziy Osiyo – Yevropa Ittifoqi" va "Markaziy Osiyo – Ko'rfaz arab davlatlari hamkorlik kengashi" mexanizmlari bilan qiyoslash Rossiya formatining alohida institutsional yo'nalishini ko'rsatdi: bu o'zining olti tomonlama hujjatlaridagi yumshoq huquq tabiatini saqlab qolgan holda tashqi shartnomaviy-huquqiy muhitning yuqori darajada to'yinganligidir. O'zbekiston uchun huquqiy ekspertiza, monitoring va tarmoq yo'l xaritalarini aniqlashtirishga doir amaliy takliflar ishlab chiqildi.

Kalit so'zlar: Markaziy Osiyo, Rossiya Federatsiyasi, xalqaro huquq, xalqaro shartnoma, yumshoq huquq (soft law), funksional institutsionallashtirish, implementatsiya

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE “CENTRAL ASIA – RUSSIA” FORMAT: EVOLUTION, TREATY FRAMEWORK, AND LIMITS OF INSTITUTIONALIZATION

Umarov Rustam Zulfukarovich,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. The article examines the international legal nature, regulatory architecture, and limits of the institutionalization of the “Central Asia – Russia” format. Four levels of regulation are distinguished: bilateral agreements; obligations within the framework of existing regional organizations; policy and program documents of the format itself; and national and sectoral implementation. Based on materials from the 2022 and 2025 summits, the 2025–2027 Joint Action Plan, and the ninth meeting of foreign ministers in 2026, it is substantiated that this mechanism is undergoing functional institutionalization without acquiring the characteristics of an independent international organization. A comparison with the “Central Asia – China,” C5+1, “Central Asia – European Union,” and “Central Asia – GCC” formats reveals a special Russian trajectory: high saturation of the external legal and contractual environment while maintaining the soft legal nature of its own six-party acts. Specific monitoring procedures and a set of recommendations for the Republic of Uzbekistan are proposed.

Keywords: Central Asia, Russian Federation, international law, international treaty, soft law, functional institutionalization, implementation

Введение

Формат «Центральная Азия – Россия» возник на пересечении двух процессов: укрепления самостоятельной региональной координации пяти государств Центральной Азии и сохранения высокой плотности их договорных связей с Российской Федерацией. Его нельзя сводить ни к совокупности двусторонних отношений, ни к деятельности СНГ, ЕАЭС, ОДКБ или ШОС. Первая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, состоявшаяся 15 марта 2018 года, закрепила практику взаимодействия государств региона в пятистороннем формате; впоследствии эта субъектность стала организационной предпосылкой развития диалогов в формате «Центральная Азия плюс» (President of the Republic of Uzbekistan, 2018).

На уровне глав государств рассматриваемый механизм оформился с проведением первого саммита 14 октября 2022 года в Астане. Совместное заявление определило широкий круг направлений сотрудничества – безопасность, торговлю, транспорт, энергетику, цифровизацию, образование и гуманитарные связи, – однако не учредило

международную организацию и не установило автономных полномочий формата (President of Russia, 2022). По итогам второго саммита, состоявшегося 9 октября 2025 года в Душанбе, были приняты Совместное коммюнике и План совместных действий на 2025–2027 годы (President of the Republic of Uzbekistan, 2025a). 17 апреля 2026 года на девятой встрече министры иностранных дел рассмотрели ход выполнения достигнутых договорённостей, вопросы формирования шестисторонних рабочих групп и согласования профильных дорожных карт (Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2026). Эти факты свидетельствуют о процедурном уплотнении сотрудничества, однако сами по себе ещё не позволяют однозначно определить его юридическую природу.

Проблема исследования заключается в несовпадении политической регулярности и международно-правовой институционализации. В соответствии со статьёй 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года юридическая квалификация соглашения зависит не от его наименования, а от намерения государств регулировать соответствующие отношения международным правом (United Nations, 1969). Аналогичным образом частые встречи и широкий круг обсуждаемых вопросов не превращают форум в международную организацию при отсутствии учредительного акта, собственной компетенции, постоянных органов и автономной воли, отличимой от совокупной воли его участников. Поэтому ключевой вопрос формулируется следующим образом: создают ли договорная насыщенность и регулярные процедуры формата новую организационную правосубъектность либо образуют функциональный механизм координации, опирающийся на уже существующие международно-правовые режимы?

Цель статьи – дать международно-правовую квалификацию формата, выстроить непротиворечивую модель его нормативной архитектуры, определить пределы институционализации и предложить реализуемые процедуры исполнения принятых решений. Исследовательская гипотеза состоит в том, что формат институционализируется функционально: регулярность проведения саммитов и министерских встреч, деятельность рабочих групп и принятие программных документов свидетельствуют о развитии устойчивых процедур взаимодействия, однако международная правосубъектность не возникает, поскольку юридически обязательные нормы продолжают формироваться на двустороннем, институциональном либо национальном уровнях.

Научная новизна исследования заключается в последовательном разграничении договорно-правовой среды российско-центральноазиатских отношений и актов собственно шестистороннего формата. Впервые применительно к данному механизму сравнительно-институциональный анализ проводится на основе единого комплекса юридических критериев с учётом договорной и секретариатской трансформации формата «Центральная Азия – Китай» в 2024–2025 годах. Предложенная четырёхуровневая модель позволяет связать правовую квалификацию документов с конкретным порядком их мониторинга и национальной имплементации в Республике Узбекистан.

В более ранней литературе постсоветская регионализация объяснялась преимущественно факторами режимной безопасности, внешней конкуренции и «виртуальности» институтов. Р. Эллисон выявил разрыв между формальным регионализмом и ограниченной передачей полномочий, а А. Кули показал способность

центральноазиатских государств использовать соперничество внешних партнёров для расширения собственной свободы манёвра (Allison, 2008; Cooley, 2012). Эти подходы сохраняют объяснительную ценность, однако не охватывают новый эмпирический материал: восстановление пятисторонней координации после 2018 года, практику проведения саммитов в 2022–2025 годах и формирование постоянных механизмов взаимодействия в отдельных форматах «Центральная Азия плюс».

Институционально-экономические аспекты постсоветской интеграции раскрывают А. Либман и Е. Винокуров, определяющие её как *holding-together regionalism* – интеграцию ранее единого пространства, при которой формальное сближение сосуществует с фрагментацией (Libman & Vinokurov, 2012). Р. Драгнева и К. Вольчук на материале ЕАЭС выявляют расхождение между развитой договорно-институциональной конструкцией и неравномерностью фактического исполнения принятых обязательств (Dragneva & Wolczuk, 2017). М. Ларюэль и С. Пейруз рассматривают российское направление в контексте многоакторной геополитической и экономической среды Центральной Азии (Laruelle & Peyrouse, 2013). В совокупности эти работы объясняют плотность внешних режимов, однако не предлагают специальной юридической квалификации шестистороннего формата, сложившегося в 2022–2026 годах. Восполнение данного пробела определяет предмет настоящей статьи.

Современные исследования смещают акцент с внешнего управления регионом на формирование его собственной субъектности. Т. Дадабаев и А. Умаров обосновывают становление самостоятельного центральноазиатского комплекса безопасности (Dadabaev & Umarov, 2025). Их исследование показывает, что внешние инициативы не только воздействуют на регион, но и преобразуются под влиянием его норм и интересов. В исследовании 2026 года те же авторы характеризуют внешнюю политику Узбекистана после 2016 года как процесс преобразования уязвимости в стратегическую дееспособность (Dadabaev & Umarov, 2026). Настоящая статья поддерживает вывод об усилении региональной субъектности, однако разграничивает политическую субъектность и международную правосубъектность: наличие коллективной дипломатической позиции пяти государств само по себе ещё не означает возникновения шестисторонней международной организации.

Для международно-правовой квалификации существенное значение имеют труды Я. Клабберса, а также Х. Шермерса и Н. Блоккера, связывающих статус международной организации с наличием учредительного соглашения, системы органов и самостоятельной институциональной воли (Klabbers, 2022; Schermers & Blokker, 2018). Важен также подход Э. Оста, подчёркивающего значение намерения сторон при разграничении международного договора и политического обязательства (Aust, 2013). Из этих положений следует, что термин *soft law* не означает отсутствия у документа правового значения, однако требует разграничения его интерпретационной, координационной и программной функций и юридически обязательного действия международного договора.

Особое значение имеет центральноазиатская, в том числе узбекистанская, доктрина. С. Саяпин указывает на недостаточную связь теории международного права с региональной практикой и необходимость системного участия юристов-международников в выработке государственной политики (Sayarin, 2026). А. Умирдинов и А. Хакимов, анализируя соотношение международного и национального права в Узбекистане, выявляют институциональные барьеры для имплементации

международно-правовых норм (Umirdinov & Khakimov, 2020). Эти выводы подтверждают необходимость юридической экспертизы решений, принимаемых в рамках рассматриваемого формата, однако требуют уточнения: главная проблема заключается не во «внедрении» любого политического текста, а в предварительном установлении его юридической природы, определении компетентного исполнителя и выборе надлежащей национально-правовой формы реализации.

Авторская позиция основывается на трёх тезисах. Во-первых, высокая плотность договорных связей не тождественна формированию права самого шестистороннего формата. Во-вторых, степень институционализации следует оценивать не по количеству проведённых встреч, а по наличию устойчивых процедур, органов, собственной компетенции и механизмов ответственности. В-третьих, мягко-правовые акты способны направлять поведение государств и способствовать подготовке последующих международных договоров, однако не могут без согласия сторон изменять действующие международно-правовые обязательства. Эти тезисы определяют логику последующего анализа.

Исследование охватывает период с 1991 года по август 2026 года. Формально-юридический метод применён при анализе Устава ООН, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, учредительных актов СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, Закона Республики Узбекистан «О международных договорах Республики Узбекистан», а также итоговых документов саммитов. Историко-правовой метод использован для исследования перехода от системы двусторонних связей к самостоятельному шестистороннему формату. Системно-структурный метод позволил распределить нормы и документы по четырём уровням регулирования.

Сравнительно-правовой и сравнительно-институциональный методы применены на основе четырёх проверяемых критериев: 1) наличия учредительного либо специального многостороннего договора; 2) наличия постоянного совместного органа; 3) юридической силы итоговых актов и порядка их принятия; 4) наличия специального механизма имплементации и контроля. По указанным критериям формат сопоставляется с механизмами «Центральная Азия – Китай», C5+1, «Центральная Азия – Европейский союз» и «Центральная Азия – ССАГПЗ». Гипотеза считается подтверждённой, если развитие процедур взаимодействия и механизмов исполнения не сопровождается принятием учредительного акта, возникновением автономной компетенции и приобретением международной правосубъектности.

Основная часть

1. Эволюция шестистороннего механизма

До появления саммитного формата сотрудничество России с государствами Центральной Азии осуществлялось посредством параллельных двусторонних связей и институтов постсоветского пространства. Такая конструкция не обеспечивала единого состава участников: ни одна организация не объединяла Россию и все пять государств региона на одинаковых условиях. Возобновление внутрирегиональной координации государств Центральной Азии в 2018 году создало политическую предпосылку для преодоления этой фрагментации: пять государств региона начали вырабатывать общие позиции без утраты суверенной самостоятельности.

Саммит 2022 года сформировал высший политический уровень диалога, однако принятое по его итогам Совместное заявление осталось рамочным актом. Саммит 2025 года дополнил механизм среднесрочным программированием посредством

принятия Совместного коммюнике и Плана совместных действий на 2025–2027 годы. Важно терминологически разграничивать эти документы: в официальном сообщении Президента Республики Узбекистан итоговый акт прямо назван «Совместным коммюнике» (President of the Republic of Uzbekistan, 2025b). Коммюнике закрепляет согласованную политическую позицию, а План определяет направления будущей деятельности; ни один из этих документов не был оформлен участниками как учредительный международный договор.

Девятая встреча министров иностранных дел в 2026 году обозначила переход от решений, принятых на уровне глав государств, к их отраслевой реализации. На встрече рассматривались вопросы формирования шестисторонних рабочих групп и разработки профильных дорожных карт в сферах экономики, энергетики, транспорта, здравоохранения, культуры, образования и экологии (Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2026). Юридическое значение данного этапа состоит в переходе от декларирования общих целей к последовательному циклу: «план – рабочая группа – дорожная карта – министерский обзор». Это представляет собой эмпирическое проявление функциональной, а не учредительной институционализации.

2. Единая четырёхуровневая нормативная архитектура

Первый уровень составляют двусторонние международные договоры России с каждым из государств Центральной Азии. К нему относятся договоры о дружбе, стратегическом партнёрстве и союзнических отношениях, а также соглашения о торговле, инвестициях, транспорте, энергетике, военном сотрудничестве, трудовой деятельности и защите граждан. В соответствии с принципом добросовестного выполнения международных обязательств (*pacta sunt servanda*) такие договоры обязательны только для их сторон: обязательство одного центральноазиатского государства не становится шестисторонним вследствие обсуждения соответствующего вопроса на саммите. При реализации общей инициативы двусторонний договор может служить юридической основой конкретного проекта, однако остаётся актом, действующим исключительно между его сторонами (*inter partes*). В этом заключается самостоятельность первого уровня.

Второй уровень образуют многосторонние договоры и право действующих международных организаций. Устав СНГ 1993 года прямо устанавливает, что Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями; в статьях 7 и 8 разграничиваются членство и ассоциированное участие (Commonwealth of Independent States, 1993). Устав ОДКБ 2002 года, напротив, учреждает международную региональную организацию, предусматривает наличие постоянно действующих органов и обязательность принятых решений для государств-членов (статьи 1, 2, 11 и 12). Однако соответствующие обязательства не распространяются на Узбекистан и Туркменистан (Collective Security Treaty Organization, 2002). Право ЕАЭС применяется к России, Казахстану и Кыргызстану, тогда как Узбекистан имеет статус государства-наблюдателя, а Таджикистан и Туркменистан не входят в состав Союза. Хартия Шанхайской организации сотрудничества 2002 года распространяется на Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, однако Туркменистан членом ШОС не является (Shanghai Cooperation Organisation, 2002). Следовательно, нормы права этих организаций образуют внешнюю договорно-институциональную среду, но не являются правом собственно формата «Центральная Азия – Россия».

Третий уровень составляют политико-программные акты шестистороннего механизма: совместные заявления, Совместное коммюнике, План совместных действий и согласованные дорожные карты. Наименование документа само по себе не исключает его международно-договорной природы. Однако содержание указанных актов, характер использованных формулировок, а также отсутствие положений о вступлении в силу, депозитарии, регистрации и механизме разрешения споров в совокупности свидетельствуют об отсутствии намерения участников заключить международный договор в смысле Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Это акты мягкого права: они формируют согласованные ожидания, определяют общую повестку и ориентируют деятельность национальных органов, однако не отменяют и не изменяют действующие международные договоры. При этом все участники остаются связанными Уставом ООН, включая закреплённые в нём принципы суверенного равенства государств, добросовестного выполнения обязательств, мирного разрешения споров и неприменения силы (United Nations, 1945).

Четвёртый уровень представляет собой национальную и отраслевую имплементацию. Он включает решения правительств и ведомств, бюджетные и проектные меры, межведомственные планы, а при необходимости – заключение новых или изменение действующих международных договоров. Юридическая форма реализации должна соответствовать содержанию принимаемого решения: политическое поручение может быть реализовано посредством административного акта, тогда как изменение международных прав и обязанностей государств требует заключения договора и проведения предусмотренных законодательством внутригосударственных процедур. Для Узбекистана необходимость такого разграничения вытекает из Закона Республики Узбекистан от 6 февраля 2019 года № ЗРУ-518 «О международных договорах Республики Узбекистан» (Republic of Uzbekistan, 2019).

Таким образом, четыре уровня нормативного регулирования функционально взаимосвязаны, однако не образуют единой иерархической системы.

3. Институциональная асимметрия участников

Институциональная асимметрия влечёт прямые юридические последствия. Государства, участвующие в формате «Центральная Азия – Россия», имеют неодинаковый статус в СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, что исключает автоматическое распространение обязательств, действующих в рамках этих организаций, на всех шестерых участников формата. Различия в их институциональном статусе представлены в таблице 1. Если вопросы коллективной безопасности рассматриваются в шестистороннем формате, обязательства в рамках ОДКБ сохраняются только между государствами – членами этой организации. Согласованная политическая позиция участников формата не может распространить обязательства по коллективной обороне на Узбекистан или Туркменистан. Аналогичным образом свобода движения рабочей силы, предусмотренная правом ЕАЭС, распространяется на граждан государств – членов Союза, тогда как трудовые отношения с участием граждан Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана регулируются иными международными договорами и национальным законодательством соответствующих государств. Поэтому формат полезен как механизм координации, однако юридически не предназначен для механического «выравнивания» обязательств участников, различающихся по своему объёму и содержанию.

Таблица 1

Статус участия шести государств формата «Центральная Азия – Россия» в региональных организациях (по состоянию на август 2026 года)*

Государство	СНГ	ЕАЭС	ОДКБ	ШОС
Казахстан	член	член	член	член
Кыргызстан	член	член	член	член
Таджикистан	член	не участвует	член	член
Туркменистан	ассоц. участник**	не участвует	не участвует	не участвует
Узбекистан	член	наблюдатель**	не участвует с 2012 г.	член
Россия	член	член	член	член

* Источник: составлено автором по официальным материалам СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС.

** Примечание: ассоциированный статус Туркменистана в СНГ и статус наблюдателя Узбекистана в ЕАЭС не создают полного объёма обязательств государства-члена.

4. Сравнительно-институциональная оценка механизмов «Центральная Азия плюс»

Проведённое сравнение опровергает представление о том, что все форматы «Центральная Азия плюс» сохраняют исключительно консультативный характер. Так, 30 марта 2024 года в Сиане начал работу постоянный секретариат механизма «Центральная Азия – Китай», а 17 июня 2025 года в Астане шесть государств подписали Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan, 2024; Government of the People's Republic of China, 2025). Несмотря на необходимость проведения соответствующих внутригосударственных процедур, подписание этого договора формирует договорно-правовую основу китайской модели. Следовательно, одного лишь наличия саммитной практики уже недостаточно для отнесения российского и китайского механизмов к одному институциональному типу.

Формат C5+1 сохраняет проектно-политический характер и не имеет ни учредительного договора, ни постоянного международного органа. Европейская модель сочетает общую межрегиональную стратегию с двусторонними договорными отношениями Европейского союза с отдельными государствами Центральной Азии. Механизм взаимодействия с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) основывается преимущественно на декларациях и совместных планах действий. Российская траектория отличается от других рассмотренных моделей: собственные акты формата имеют мягко-правовой характер, однако действуют в рамках значительно более плотной сети двусторонних договоров и договорно-правовых механизмов постсоветского пространства. Поэтому формат «Центральная Азия – Россия» следует квалифицировать не как «слабую» или «незавершённую» международную организацию, а как межгосударственный консультативно-координационный механизм особого рода (*sui generis*), характеризующийся функциональной институционализацией.

Основные различия в договорной основе, институциональном устройстве, характере принимаемых актов и траекториях развития рассматриваемых механизмов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнение институциональных моделей форматов
«Центральная Азия плюс»*

Формат	Договорная основа и постоянный орган	Акты и имплементация	Траектория
Центральная Азия – Россия	специального договора и секретариата нет	Совместное коммюнике, План, рабочие группы и дорожные карты	функциональная
Центральная Азия – Китай	договор подписан в 2025 г.; постоянный Секретариат в Сиане	договор, декларации и программы	договорно-институциональная
C5+1 (США)	учредительного договора и постоянного органа нет	совместные заявления и проектные инициативы	политико-функциональная
Центральная Азия – ЕС	единого договора формата нет; межрегиональная координация	двусторонние СПС/ЕРСА, декларации и стратегии	межрегиональная
Центральная Азия – ССАГПЗ	договора и секретариата формата нет	декларации и совместный план действий	программная

* Источник: составлено автором по официальным документам соответствующих механизмов. СПС – соглашение о партнёрстве и сотрудничестве; ЕРСА – расширенное соглашение о партнёрстве и сотрудничестве.

Данные таблицы показывают, что российская траектория отличается от других рассмотренных моделей. Собственные акты формата имеют мягко-правовой характер, однако действуют в рамках значительно более плотной сети двусторонних договоров и договорно-правовых механизмов постсоветского пространства. Поэтому формат «Центральная Азия – Россия» следует квалифицировать не как «слабую» или «незавершённую» международную организацию, а как межгосударственный консультативно-координационный механизм особого рода (*sui generis*), характеризующийся функциональной институционализацией.

5. Экономическая и миграционная динамика как показатель необходимости имплементации

Официально озвученные показатели свидетельствуют о значительном масштабе трансграничных экономических потоков, однако не образуют единого статистически сопоставимого ряда. Так, применительно к 2024 году на одном и том же саммите были приведены данные о товарообороте, превышающем соответственно 45 млрд и 50 млрд долларов США (President of Russia, 2025; President of the Republic of Kazakhstan, 2025). Сопоставление публично озвученных показателей представлено в таблице 3.

Приведённые показатели подтверждают экономическую значимость отношений, однако сами по себе не свидетельствуют об эффективности шестистороннего формата, поскольку отражают также результаты двусторонней торговли и действия интеграционных режимов ЕАЭС. Расхождение оценок может быть обусловлено различиями в методике расчёта, составе учитываемых операций или времени формирования статистических данных. Для правовой оценки важнее установить, связывает ли соответствующая дорожная карта конкретное мероприятие с

ответственным органом, сроком исполнения, источником финансирования и применимой договорно-правовой основой.

Таблица 3

**Публичные оценки товарооборота России с пятью государствами
Центральной Азии***

Год	Публичная оценка, млрд долл. США	Источник
2022	свыше 42	заявление заместителя Председателя Правительства РФ, 25 апреля 2023 г.
2024	свыше 45	оценка Президента Российской Федерации, 9 октября 2025 г.
2024	свыше 50	оценка Президента Республики Казахстан, 9 октября 2025 г.

* Источник: составлено автором по публичным официальным оценкам (Export Support Center, 2023; President of Russia, 2025; President of the Republic of Kazakhstan, 2025). Расхождение оценок за 2024 год указывает на различия методики и не позволяет считать их единой статистической серией.

Миграционная статистика требует ещё большей осторожности ввиду различий между показателями въезда, постановки на миграционный учёт, выдачи патентов и численности иностранных граждан, одновременно находящихся на территории страны. По данным, озвученным руководством миграционного подразделения МВД России, в 2024 году на территории России находилось около 6,3 млн иностранных граждан, что на 5,1 % больше, чем годом ранее. Приблизительно половина въезжающих указывала трудовую деятельность в качестве цели прибытия, а основную долю миграционного потока составляли граждане Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана (Executive Committee of the Commonwealth of Independent States, 2025; RBC, 2025). Эти данные подтверждают не только экономическую значимость миграции, но и необходимость закрепления в отраслевых документах проверяемых мер по предвыездной подготовке, цифровой проверке документов, социальной адаптации и защите трудовых прав. При этом данные административного учёта не следует отождествлять с численностью уникальных трудовых мигрантов.

Полученные результаты позволяют уточнить соотношение региональной субъектности и институционализации. Усиление пятисторонней координации, отмечаемое Т. Дадабаевым и А. Умаровым, объясняет политическую устойчивость внешних диалоговых форматов, однако не заменяет юридических признаков международной организации. В российском случае институциональная плотность обеспечивается существующей договорно-правовой средой, а не создаётся актами шестистороннего механизма. Это отличает данный механизм как от ОДКБ, Устав которой учреждает международную организацию и предусматривает принятие обязательных решений, так и от китайского формата, в рамках которого в 2024 году в Сиане был открыт временный секретариат, а в 2025 году подписан специальный международный договор (Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan, 2024; Xinhua, 2025).

Одним из объективных ограничений дальнейшей институционализации является не недостаток политической воли, а риск дублирования компетенций, обусловленный асимметрией участия государств. Заключение нового учредительного договора потребовало бы определить правосубъектность и компетенцию организации,

систему её органов, порядок финансирования и принятия решений, а также характер взаимодействия с СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС. При отсутствии доказанной функциональной необходимости такая конструкция могла бы увеличить транзакционные издержки. Вместе с тем отказ от создания новой международной организации не означает необходимости сохранять процедурную неопределённость: деятельность рабочих групп, разработка дорожных карт и проведение мониторинга могут быть стандартизированы посредством актов мягкого права.

Предлагаемый механизм мониторинга должен основываться на сложившейся к 2026 году практике и не предполагать создания параллельного контрольного органа. На очередной встрече министров иностранных дел целесообразно утвердить в качестве приложения к согласованному протоколу единую ежегодную матрицу исполнения Плана совместных действий на 2025–2027 годы. По каждому мероприятию в ней должны быть указаны правовое основание, ответственные национальные органы, координатор рабочей группы, срок исполнения, источник финансирования, измеримый результат, статус исполнения, возможные риски и корректирующие меры. Национальные разделы должны готовиться внешнеполитическими ведомствами на основе данных профильных органов, а их техническое сведение – осуществляться государством, принимающим очередную министерскую встречу. Согласованную публичную часть матрицы следует размещать на официальных сайтах министерств иностранных дел, тогда как рабочее приложение, содержащее информацию ограниченного доступа, может оставаться в межведомственном обороте.

Поскольку на девятой встрече уже рассматривались вопросы формирования рабочих групп и разработки профильных дорожных карт, предложение состоит не в повторном создании таких карт, а в их правовой паспортизации. К каждой дорожной карте следует прилагать лист правовой квалификации, в котором необходимо указать: относится ли соответствующая мера к политическому обязательству, международному договору, решению международной организации или национальному правовому акту; какие государства связаны соответствующей нормой; требуется ли ратификация либо проведение иной внутригосударственной процедуры; имеется ли пересечение с действующими международными механизмами. Такой инструмент обеспечивает непосредственное применение предложенной в статье четырёхуровневой модели на практике.

Для Республики Узбекистан предлагается отдельный комплекс мер. Во-первых, Кабинету Министров целесообразно определить Министерство иностранных дел национальным координатором матрицы, а Министерство юстиции – органом, ответственным за правовую экспертизу проектов, способных повлечь возникновение или изменение международно-правовых обязательств. Отраслевые ведомства при этом должны отвечать за достижение установленных показателей и соблюдение сроков. Во-вторых, отбор инициатив должен соответствовать Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан 2012 года и закреплённым в ней принципам равноправия, государственного суверенитета, невступления в военно-политические блоки и свободы выбора международных обязательств (Republic of Uzbekistan, 2012). В-третьих, приоритет следует отдавать проектам, согласующимся со Стратегией «Узбекистан – 2030», в том числе направленным на развитие транспортной связанности, торговой и цифровой инфраструктуры, человеческого капитала, защиту

граждан за рубежом и обеспечение устойчивого экономического роста (President of the Republic of Uzbekistan, 2026).

В миграционной сфере целесообразно разработать отдельную дорожную карту, направленную не на введение нового правового режима, а на обеспечение совместимости уже действующих процедур. Она может предусматривать двуязычные программы предвыездной подготовки, проверку трудового договора до выезда, обмен обезличенными статистическими данными, формируемыми по сопоставимой методологии, доступ к правовой помощи и механизм подачи обращений в случае невыплаты заработной платы или нарушения условий труда. В сфере транспорта и промышленной кооперации каждый проект должен проходить проверку на соответствие обязательствам Узбекистана в рамках СНГ и ШОС, а также на недопустимость автоматического распространения на страну правил ЕАЭС, участником которого она не является. Аналогичный подход должен применяться к обязательствам ОДКБ при рассмотрении вопросов безопасности.

Заключение

Исследовательская гипотеза подтвердилась. Формат «Центральная Азия – Россия» достиг устойчивой функциональной институционализации, выражающейся в регулярном проведении саммитов и министерских встреч, принятии Плана совместных действий на 2025–2027 годы, формировании рабочих групп и разработке отраслевых дорожных карт. Вместе с тем формат не получил учредительно-договорного оформления, не обладает автономной компетенцией, постоянным органом и самостоятельной международной правосубъектностью.

Во-первых, правовой эффект взаимодействия в рамках формата возникает посредством сочетания четырёх различных уровней регулирования, а не через единую систему «права формата». Двусторонний международный договор связывает только его стороны; право международной организации распространяется лишь на государства, участвующие в соответствующей организации; шестисторонние акты мягкого права определяют общую программу сотрудничества; национальная имплементация преобразует программные положения в конкретные исполнимые меры.

Во-вторых, сравнительный анализ выявил множественность институциональных моделей «Центральная Азия плюс». После создания постоянного секретариата и подписания специального международного договора китайский механизм развивается по договорно-институциональной траектории. Российский механизм опирается на плотную внешнюю договорно-правовую среду и сохраняет консультативно-координационную форму. Поэтому его развитие следует оценивать по качеству исполнения принимаемых решений, а не по степени сходства с классической международной организацией.

В-третьих, следующим юридически обоснованным шагом должна стать стандартизация сложившегося цикла исполнения посредством введения единой ежегодной матрицы, составления правовых паспортов дорожных карт и подготовки согласованной публичной отчётности министерств иностранных дел. Для Республики Узбекистан предложенная модель обеспечивает практическое участие в реализации совместных инициатив, проведение предварительной правовой экспертизы и сохранение свободы выбора международных обязательств. Такой подход позволяет повысить результативность институционализации без неоправданного дублирования функций СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС.

REFERENCES

- Allison, R. (2008). Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia. *Central Asian Survey*, 27(2), 185–202. <https://doi.org/10.1080/02634930802355121>
- Aust, A. (2013). *Modern treaty law and practice* (3rd ed.). Cambridge University Press.
- Collective Security Treaty Organization. (2002, October 7). *Charter of the Collective Security Treaty Organization*. https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/
- Commonwealth of Independent States. (1993, January 22). *Charter of the Commonwealth of Independent States*. <https://eccis.org/document/187>
- Cooley, A. (2012). *Great games, local rules: The new great power contest in Central Asia*. Oxford University Press.
- Dadabaev, T., & Umarov, A. (2025). A constructivist framework for the Central Asian regional security complex: Identity, interests and security dynamics. *International Affairs*, 101(4), 1237–1258. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaf070>
- Dadabaev, T., & Umarov, A. (2026). Transformative resilience under geopolitical precarity: Uzbekistan's regional strategy after 2016. *Contemporary Security Policy*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/13523260.2026.2680145>
- Dragneva, R., & Wolczuk, K. (2017). *The Eurasian Economic Union: Deals, rules and the exercise of power*. Chatham House. <https://www.chathamhouse.org/2017/05/eurasian-economic-union>
- Executive Committee of the Commonwealth of Independent States. (2025). *Migratsionnaya situatsiya v Rossiyskoy Federatsii v 2024 godu — I kvartale 2025 goda* [Migration situation in the Russian Federation in 2024 and the first quarter of 2025]. <https://eccis.org/cooperation/5003/202082>
- Far East and Arctic Development Corporation. (2023, April 25). *Tovarooborot Rossii i stran Tsentralnoy Azii vyros v 2022 godu na 15 %* [Trade turnover between Russia and the Central Asian countries increased by 15% in 2022]. <https://erdc.ru/import-substitution/tovarooborot-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii-vyros-v-2022-godu-na-15/>
- Klabbers, J. (2022). *An introduction to international organizations law* (4th ed.). Cambridge University Press.
- Laruelle, M., & Peyrouse, S. (2013). *Globalizing Central Asia: Geopolitics and the challenges of economic development*. M.E. Sharpe.
- Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). *Holding-together regionalism: Twenty years of post-Soviet integration*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137271136>
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2026, April 17). On the ninth meeting of foreign ministers in the “Central Asia–Russia” format. https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2096391/
- Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan. (2024, April 1). *The Secretariat of the “Central Asia–China” format was established*. <https://www.mfa.gov.tm/en/articles/1200>
- President of Russia. (2022, October 14). *Russia–Central Asia summit*. <https://en.kremlin.ru/events/president/news/69598>
- President of Russia. (2025, October 9). *Second Russia–Central Asia summit*. <https://en.kremlin.ru/events/president/news/78180>
- President of the Republic of Kazakhstan. (2025, October 9). *Prezident Kasym-Zhomart Tokayev prinyal uchastie vo vtorom sammite “Tsentralnaya Aziya – Rossiya”* [President Kassym-Jomart Tokayev participated in the second “Central Asia–Russia” summit]. Akorda. <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-vo-vtorom-sammite-centralnaya-aziya-rossiya-993341>
- President of the Republic of Uzbekistan. (2018, March 15). *Po initsiative Shavkata Mirziyoyeva proshla konsultativnaya vstrecha glav gosudarstv Tsentralnoy Azii* [A consultative meeting of the heads of Central Asian states was held on the initiative of Shavkat Mirziyoyev]. <https://president.uz/ru/1571>

President of the Republic of Uzbekistan. (2025a, October 9). *President of Uzbekistan outlines priorities of full-scale cooperation between Central Asia and Russia*. <https://president.uz/en/lists/view/8559>

President of the Republic of Uzbekistan. (2025b, October 9). *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirziyoyeva na vtorom sammite v formate "Tsentralnaya Aziya – Rossiya"* [Address by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the second "Central Asia–Russia" summit]. <https://president.uz/ru/lists/view/8558>

President of the Republic of Uzbekistan. (2026, February 16). On additional measures to consistently continue and advance reforms within the priority areas of the country's development until 2030 (Decree No. UP-21)]. LexUZ. <https://lex.uz/ru/docs/8050774>

RBC. (2025, June 19). *V MVD raskryli chislo pribyvshikh v 2024 godu migrantov* [The Ministry of Internal Affairs disclosed the number of migrants arriving in 2024]. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685462a59a7947b576ab8f87>

Republic of Uzbekistan. (2012, September 10). On approval of the Concept of foreign policy activities of the Republic of Uzbekistan (Law No. LRU-330)].

Republic of Uzbekistan. (2019, February 6). On international treaties of the Republic of Uzbekistan (Law No. LRU-518)]. LexUZ. <https://lex.uz/docs/4193763>

Sayapin, S. (2026). International law in Central Asia: A critical overview. In S. Sayapin (Ed.), *International law, politics and security in Central Asia* (pp. 3–29). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-032-17818-3_1

Schermers, H. G., & Blokker, N. M. (2018). *International institutional law: Unity within diversity* (6th rev. ed.). Brill Nijhoff.

Shanghai Cooperation Organisation. (2002, June 7). *Charter of the Shanghai Cooperation Organisation*. <https://rus.sectso.org/20020607/1608561.html>

Treaty on the Eurasian Economic Union. (2014, May 29). <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/>

Umirdinov, A., & Khakimov, A. (2020). Tensions between domestic and international law for supremacy in Uzbekistan. *KLRI Journal of Law and Legislation*, 10(2), 195–245. <https://doi.org/10.22851/kjll.2020.10.2.001>

United Nations. (1945, June 26). *Charter of the United Nations*. <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>

United Nations. (1969, May 23). *Vienna Convention on the Law of Treaties*. https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf

Xinhua. (2025, June 18). *Xi urges China, Central Asian countries to promote high-quality Belt and Road cooperation*. The State Council of the People's Republic of China. https://english.www.gov.cn/news/202506/18/content_WS6851f39dc6d0868f4e8f36c2.html

**O'ZBEKISTON
QONUNCHILIGI TAHLILI**

ILMIY-TAHLILIY JURNAL
2026-YIL 3-SON

**ОБЗОР
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
УЗБЕКИСТАНА**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2026 ГОД № 3

**UZBEKISTAN
LAW REVIEW**

SCIENTIFIC ANALYTICAL JOURNAL
2026 ISSUE 3

VOLUME 3 / ISSUE 3 / 2026

DOI: [HTTPS://DX.DOI.ORG/10.51788/TSUL.UZLAWREV.33](https://dx.doi.org/10.51788/TSUL.UZLAWREV.33)

ISSN 2181-8118

DOI: [HTTPS://DX.DOI.ORG/10.51788/TSUL.UZLAWREV.](https://dx.doi.org/10.51788/TSUL.UZLAWREV.)